

Сокровенная история сорокового стиха — двадцать четвёртое число

Иезекииль № 5

Jeff Pippenger
2026-08-10

В отрывке из «Свидетельств», том пятый, который мы рассматриваем уже в течение нескольких статей, нам сообщается о видении храма, данном Иезекиилю, Исаии и Иоанну:

«Эти уроки даны для нашей пользы. Нам необходимо утвердить нашу веру в Боге, ибо непосредственно перед нами время, которое испытает души людей. Христос на Елеонской горе изложил страшные суды, которые должны были предшествовать Его второму пришествию: „Также услышите о войнах и о военных слухах“. „Ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам. Всё же это — начало болезней“. Хотя эти пророчества получили частичное исполнение при разрушении Иерусалима, они имеют более прямое отношение к последним дням».

Девятое ава

Тиша бе-Ав, что по-еврейски означает «Девятое ава», — это еврейский день, посвящённый воспоминанию о разрушении как Первого Храма вавилонянами в 586 году до н. э., так и Второго Храма Титом в 70 году н. э. Оба разрушения произошли в одну и ту же календарную дату — в 9-й день еврейского месяца ав (который по григорианскому календарю обычно приходится на июль или август). Когда сестра Уайт соотносит разрушение Иерусалима со «временем, которое испытает души людей» в последние дни, она указывает на два разрушения, каждое из которых служит иллюстрацией к близящемуся воскресному закону.

Шестнадцатый стих одиннадцатой главы Даниила представляет собой тот воскресный закон и соответствует сорок первому стиху. У Иезекииля разрушение Иерусалима используется для того, чтобы проиллюстрировать разделение мудрых и неразумных дев при воскресном законе. Иезекииль был пленником в Вавилоне, когда он был чудесным образом перенесён в Иерусалим, чтобы увидеть именно это разделение в главах с восьмой по одиннадцатую.

И было в шестом году, в шестом месяце, в пятый день месяца: сидел я в доме моём, и старейшины Иудеи сидели предо мною, как там низошла на меня рука Господа Бога. И я увидел, и вот — подобие, как бы огненное: от вида чресл Его и ниже — огонь, и от чресл Его и выше — как бы сияние, как бы вид янтаря. И простёр Он подобие руки, и взял меня за прядь волос на голове моей; и дух поднял меня между землею и небом и принёс меня в видениях Божиих в Иерусалим, ко входу внутренних ворот, обращённых к северу, где было седалище идола ревности, возбуждающего ревность. Иезекииль 8:1–3.

Четыре главы — с восьмой по одиннадцатую — представляют собой описание отделения, и сестра Уайт, комментируя девятую главу Иезекииля, указывает не только на то, что это было то же самое запечатление, что и в седьмой главе Откровения, но и на то, что Иерусалим представляет Лаодикийскую Церковь адвентистов седьмого дня последних дней.

«Те, кто не скорбят о собственном духовном упадке и не оплакивают грехи других, будут оставлены без печати Божией. Господь даёт повеление Своим вестникам — мужам с губительным оружием в руках: “Идите за ним по городу и поражайте; да не падит око ваше и не жалейте: убивайте старца и юношу, и девицу, и младенца, и женщин, до истребления; но не приближайтесь ни к одному человеку, на котором знак; и начните от святилища Моего. И начали с тех старейшин, которые были перед домом”».

«Здесь мы видим, что церковь — святилище Господне — первой ощутила удар гнева Божьего. Старцы, те, кому Бог даровал великий свет и кто стоял как страж духовных интересов народа, изменили вверенному им доверию. Они заняли положение, будто нам не следует ожидать чудес и явного проявления силы Божьей, как в прежние дни. Времена изменились. Эти слова укрепляют их неверие, и они говорят: Господь не сделает ни добра, ни зла. Он слишком милостив, чтобы посетить Свой народ судом. Так «мир и безопасность» — вот клич людей, которые уже никогда не возвысят своего голоса, как трубу, чтобы показать народу Божьему его преступления и дому Иакова — его грехи. Эти немые псы, не желавшие лаять, — именно те, кто ощущает на себе справедливое мщение оскорблённого Бога. Мужчины, девицы и малые дети — все погибают вместе.»

«Мерзости, о которых верные вздыхали и вопияли, были всем тем, что могли различить ограниченные человеческие глаза; но несравненно худшие грехи, навлекавшие ревность чистого и святого Бога, оставались неоткрытыми. Великий Испытующий сердца знает всякий грех, совершаемый втайне делателями беззакония. Эти люди начинают чувствовать себя в безопасности в своих обманах и, по причине Его долготерпения, говорят, что Господь не видит, а затем поступают так, как будто Он оставил землю. Но Он обнаружит их лицемерие и откроет перед другими те грехи, которые они так тщательно скрывали.»

«Ни превосходство по званию, ни достоинство, ни мирская мудрость, никакое положение в священном служении не сохранят людей от того, чтобы они не пожертвовали принципом, будучи предоставлены своим собственным лукавым сердцам. Те, кого считали достойными и праведными, оказываются зачинщиками отступничества и примерами равнодушия и злоупотребления милостями Божьими. Их нечестивого поведения Он более не будет терпеть и во гневе Своём поступит с ними без милости.

«Господь неохотно отнимает Своё присутствие у тех, кто был благословлён великим светом и кто ощутил силу слова в служении другим. Некогда они были Его верными слугами, удостоенными Его присутствия и руководства; но они отступили от Него и ввели других в заблуждение, и потому навлекли на себя Божественное неблагоприятие». Свидетельства, т. 5, с. 211, 212.

Вся книга Иезекииля помещена в контекст разрушения Иерусалима. В свидетельстве Иезекииля особо отмечена осада Навуходоносора, продолжавшаяся полтора года, однако «более непосредственное применение» предостережения Иисуса в двадцать четвёртой главе Евангелия от Матфея относится к последним дням. У Иезекииля эта линия истины содержится в двадцать четвёртой главе.

15 января 588 г. до н. э.

И было ко мне слово Господне в девятом году, в десятом месяце, в десятый день месяца: сын человеческий! запиши себе имя этого дня, именно этого самого дня: в этот самый день царь Вавилонский приступил к Иерусалиму. Иезекииль 24:1, 2.

В этот день, который также подтверждается иными библейскими свидетельствами, началась осада продолжительностью в восемнадцать месяцев. Слово Господне, пришедшее к Иезекиилю в тот день, состояло из притчи о кровавом городе, изображённой посредством кипящего котла, за которым следует великий огонь. Эта притча ясно представляет суд над Иерусалимом, и далее в той же главе за ней следует повествование о том, как жена Иезекииля была поражена ударом и предана покою, в знак того, что началась осада, которая в конечном итоге должна была уничтожить святилище.

И было ко мне слово Господне: сын человеческий! вот, Я внезапно отнимаю у тебя утеху очей твоих; но ты не плачь и не рыдай, и слёзы твои да не текут. Вздыхай в безмолвии, не совершай плача по умершем; повяжи на себя головной убор твой и обуи ноги твои в обувь твою, и не закрывай губ твоих, и хлеба от людей не ешь. И говорил я утром к народу, а вечером умерла жена моя; и на другое утро я сделал, как мне повелено было. Иезекииль 24:15–18.

Тогда окружавшие Иезекииля люди спросили о значении притчи и смерти его жены.

И сказал мне народ: не скажешь ли нам, что значат для нас эти действия твои? И отвечал я им: было ко мне слово Господне: скажи дому Израилеву: так говорит Господь Бог: вот, Я оскверню святилище Мое, гордость силы вашей, отраду очей ваших и жалость души вашей; и сыновья ваши и дочери ваши, которых вы оставили, падут от меча. Иезекииль 24:19–21.

В этом отрывке и жена Иезекииля, и святилище обозначены как «желание очей твоих». Библейские историки указывают, что осада продолжалась восемнадцать месяцев, тогда как осады, связанные с Цестием и Титом, продолжались четыре года — с 66-го по 70-й год. При точном исчислении времени от первой осады Цестия до разрушения получается три с половиной года, но при применении «включительного исчисления», которое в Библии употребляется наиболее часто, это составляет четыре года. Понимание того, что оба способа исчисления действительны, позволяет нам видеть как три с половиной года от Цестия до Тита, так и четыре года.

У нас есть два свидетеля закона о воскресном дне в двух разрушениях Иерусалима, и подробности обеих историй должны быть применены к вскоре грядущему закону о

воскресном дне, — когда Лаодикия будет извержена из уст Господа. Начало осады Навуходоносора отмечено смертью жены Иезекииля. При её смерти Иезекиилю было повелено не предаваться открытому плачу, ибо он был знамением для иудеев, уводимых в плен.

Начало четырёхлетнего периода с 66 по 70 год отмечено знамением мерзости запустения, которое было знамением для христиан в Иерусалиме бежать.

Итак, когда увидите мерзость запустения, речённую через пророка Даниила, стоящую на святом месте, — читающий да разумеет, — тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы. Матфея 24:15, 16.

Две осады, которые ясно соответствуют друг другу, и обе осады содержат «знамение» в начале осады. Когда Иезекииль объясняет, что означали смерть его жены и отсутствие скорби с его стороны, он объяснил, а затем записал:

Иезекииль для вас — знамение: всё, что он делал, будете делать и вы; и когда это сбудется, узнаете, что Я Господь Бог. Иезекииль 24:24.

Знамение смерти жены Иезекииля было указанием на вскоре грядущее разрушение Иерусалима и храма и на последующий плен в Вавилоне. Знамение мерзости запустения, о котором говорил Даниил, было предупреждением спастись от этого разрушения, но и та, и другая осада имеют знамение в начале.

Перед близящимся воскресным законом произойдёт пророческая осада, и смерть жены Иезекииля является символом того, что лаодикийская Церковь адвентистов седьмого дня была окончательно оставлена без внимания; тогда как Иезекииль является символом ста сорока четырёх тысяч и знаменем, которое поднимается в начале осады. Иезекииль есть знамя ста сорока четырёх тысяч в начале осады Вавилона, а знамение мерзости запустения в начале есть «знак» Рима. Одно знамение говорит о внутреннем предостережении, а другое — о внешнем. Несомненно, в 66 году христианам было дано предостережение, но предостерегающим знаком был Рим. Знаменем при разрушении Вавилона была жена Иезекииля. Рим — это класс тех, кто принимает начертание зверя, а Иезекииль — знамение тех, кто принимает печать Божью.

Два завершающихся периода

Первая осада длилась восемнадцать месяцев, а вторая осада продолжалась четыре года. Обе осады находят своё «более прямое» исполнение в последние дни, и обе осады непосредственно связаны с пророчеством о трёхстах девяноста одном годе и пятнадцати днях, находящимся в Откровении 9:15.

Начало пяти месяцев из Откровения 9:10 включает в себя историю, отмечающую тридцативосьмилетний период, который завершается четырёхлетней осадой, связанной с числом тридцать восемь, и указывает на возвышение ислама. Эта четырёхлетняя осада находит своё соответствие в истории, начавшейся тогда, когда завершились (пять месяцев)

сто пятьдесят лет и начались триста девяносто один год и пятнадцать дней. Это началось 27 июля 1449 года, и четыре года спустя ислам предпринял пятидесятипятидневную осаду Константинополя, завершившуюся 29 мая 1453 года.

Когда пророчество о времени, начавшееся 27 июля 1449 года, завершилось 11 августа 1844 года, четыре года движения первого и второго ангелов с 1840 по 1844 год соотнеслись с четырёхлетней осадой с 1333 по 1337 год, а также с четырёхлетним периодом с 1449 по 1453 год. Эти три свидетеля, которые все непосредственно являются частью одной и той же пророческой линии, представляют собой символический четырёхлетний период, когда движение первого и второго ангелов с 1840 по 1844 год повторяется в истории движения третьего ангела. Эти три свидетеля прообразуют четырёхлетнюю осаду в истории ста сорока четырёх тысяч. Этот четырёхлетний период также иллюстрируется осадами Иерусалима в 66 и 70 годах.

Начало четырёхлетней осады Цестием в 66 году, а затем её завершение Титом в 70 году образует символ альфы и символ омеги для периода в четыре года. Тот же самый период также представлен как три с половиной года, что, в свою очередь, согласуется с тремя с половиной пророческими годами, в течение которых папский Рим попирает святилище.

«А внешний двор храма исключи и не измеряй его, ибо он дан язычникам: и они будут попираť святой город сорок два месяца. И дам двум свидетелям Моим, и они будут пророчествовать тысячу двести шестьдесят дней, облечённые во вретище». Откровение 11:2, 3.

И падут от острия меча, и отведутся в плен во все народы; и Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников. Луки 21:24.

Необходимо отметить, что я применяю как «включительный», так и «исключительный» способ исчисления к периоду, представленному символом альфы — Цестием — до символа омеги — Титом. Это указывает на то, что в одной истории представлены два применения времени. Мы уже рассматривали этот библейский принцип, когда (много статей назад) обращались к периоду между посещением Иисусом Кесарии Филипповой (Паниума) и Его восхождением на гору Преображения. Два библейских автора упоминают шесть дней, а один — восемь дней.

По прошествии шести дней Иисус берёт Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возводит их на высокую гору одних. Матфея 17:1.

По прошествии шести дней Иисус берёт с Собою Петра, Иакова и Иоанна и возводит их одних на высокую гору отдельно; и преобразился перед ними. Марк 9:2.

И было, дней через восемь после этих слов, взял Он Петра, Иоанна и Иакова и взошёл на гору помолиться. Луки 9:28.

Разрушение Иерусалима имеет «более прямое» применение к последним дням, и это разрушение представлено двумя свидетелями — Вавилоном и Римом. Эти два свидетеля согласуются друг с другом, но при этом сообщают различные и существенные пророческие

характеристики, чтобы усилить истину. Осада Римом (66–70 гг.) продолжалась четыре года, что также представляет три с половиной года. Эти три с половиной года связаны с поспанием святилища и воинства, совершённым как язычеством, так и папством. Поспание папством продолжалось три с половиной символических года, прообразом чего стали буквальные три с половиной года осады Римом.

Эта четырёхлетняя осада также соотносится с четырёхлетними периодами, связанными с пророческой линией, которая указывает на возвышение ислама, а затем — на возвышение движения сначала первого и второго, а затем третьего ангелов. Период от Цестия до Тита пересекается с колесом папского Рима, а также с колесом ислама. Колесо Рима и три с половиной года Цестия и Тита пересекаются с тремя с половиной символическими годами папского Рима, тем самым обозначая два образования: языческий и папский Рим. Колесо ислама связано с той же самой историей, понимаемой как четыре года, но, как и в случае с колесом Рима в этой истории, ислам соотносится со второй силой, подчинённой колесу ислама, — а именно адвентизмом. Период в три с половиной года представляет Рим в обеих его фазах, а четырёхлетний период представляет ислам и адвентизм. Языческий и папский Рим не могут быть разделены в пророческом отношении, как не могут быть разделены и ислам с адвентизмом.

Это пророчески требует, чтобы, рассматривая осаду Вавилона, мы видели в образе восемнадцатимесячной осады два понимания времени. Два представления времени в осаде, совершённой Римом, пророчески требуют двух представлений времени и в осаде, совершённой Навуходоносором. Осада Навуходоносора продолжительностью в восемнадцать месяцев также может быть понята как символ полутора лет. Восемнадцать месяцев — это полтора года, и полтора может быть выражено как 1,5 года. Осада Навуходоносора была одновременно и восемнадцатью месяцами, и одной целой пятьюдесятью (1,5) годами.

Восемнадцать месяцев относятся к власти, которой надлежало поспать Иерусалим, а 1,5 года относятся к исламу. Пророческое колесо исчисления, которое определяет восемнадцать месяцев, определяет Вавилон, а другое пророческое колесо исчисления определяет ислам. Мы ещё не изложили объяснения того, каким образом приходим к применению 1,5 года в связи с исламом, однако следует отметить, что два исчисления времени в разрушении, совершённом Римом, связаны с пророческим колесом Рима (как языческого, так и папского), тогда как другое исчисление связано с пророческим колесом ислама. Эти характеристики обнаруживаются как в альфа-, так и в омега-разрушении Иерусалима.

Четырёхлетняя осада Иерусалима при Цестии и Тите представляет собой завершение пророческой линии, начавшейся с тридцативосьмилетнего периода, который завершился четырёхлетней осадой, символизирующей возвышение ислама; и заключительный четырёхлетний период в той же самой линии представляет собой воздвижение знамени ста сорока четырёх тысяч.

Мы продолжим рассмотрение этих вопросов в следующей статье.